

graffiti

Р Ирэн Роздобудько

граффити

ОДОЛЕТЬ ТЕМНОТУ

CF FOLIO

Ирэн Роздобудько

Одолеть темноту

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8047097

Одолеть темноту / Ирэн Роздобудько: Фолио; Харьков; 2014

ISBN 978-966-03-6711-1

Аннотация

...Если попавшей в сачок бабочке по очереди отрывать крылышки и лапки, она будет очень смешно ползти и извиваться. Таких бабочек и других насекомых в его сачке полно. С оторванными крылышками они пытаются взлететь и не понимают, почему у них это не выходит. Снова и снова они ползут, а он просто смотрит на них. Он не палач – он исследователь, и он очень хочет знать, что они чувствуют, эти насекомые. И уверенная детская рука снова тянется к сачку...

...Интересно, а как оно там с людьми?..

Содержание

Двадцать лет назад	4
Часть первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирэн Роздобудько

Одолеть темноту

Двадцать лет назад

...Маленький Мика никогда не бывает на улице один.

Разве что придет тетя Леля. И тогда можно будет тихонько, но настырно, пока Леля с мамой пьют кофе или коричневый прозрачный напиток из пузатой бутылки, время от времени канючить: «Хочу на пруд... Хочу на пруд...»

Тетя Леля не такая занятая, как мама. И не такая строгая. Маленький Мика точно знает: если вот так поканючить хотя бы часок, Леля обязательно сжалится. А маме просто надоест слушать этот скуляж, и она скажет:

– Забери этого дебила! Я больше не могу!

Что такое «дебил», Мика не знает, но слово ему нравится, а главное, это означает, что сейчас тетя Леля вздохнет и скажет:

– Ну что ж, малой, пойдем. Только на полчаса, не больше!

И тогда маленький Мика стремглав бросится за своим заветным снаряжением – стеклянной полулитровой банкой и сачком, натянет шорты, всунет ноги в растоптанные сандалики и, стора от нетерпения, застынет на пороге.

Ох, как же долго Леля застегивает свои модные сапожки, подкрашивает и без того яркие губы! Да еще по сигарете надо выкурить с мамой – «на дорожку»!

– Лелька! Только недолго! – приказывает мама. – Я пока поставлю картошку!

И они отправляются на пруд, который находится рядом с их многоэтажным домом.

Пруд – это чудо! В его густых зарослях все движется, шуршит, стрекочет, все наполнено неведомой жизнью. Мика с удовольствием ступает на сырую траву и представляет, что под его ногами – огромные, невидимые человеческому глазу города с удивительными обитателями: насекомыми, букашками, жучками, червями... И там кипит своя жизнь, и там, так же, как и в «большом мире», есть дома, магазины, школы, стадионы. Только живут там не люди, а маленькие насекомые.

И Мика хорошо слышит, как трещат под его сандаликами все их сооружения (возможно, такие же, как и его многоэтажка, только очень-очень маленькие!). Но рассмотреть результат разрушения почти невозможно: слишком густо растет трава.

Лучше наблюдать за муравейником. Если разворошить его веткой, становятся очень хорошо видны коридоры, комнатки, подземные переходы, а главное – возня, которая поднимается там. Совсем как в кино про войну! Вот только жалко, что не слышно никаких звуков! А шума, наверное, там

много. И все это сделал он, маленький Мика, обладатель муравьиной вселенной!

После муравейника доходит очередь до еще одного увлечения – ловить стрекоз и бабочек. Надо нахватать их как можно больше, ведь на все про все – всего лишь полчаса, Леля дольше ждать не будет.

Хорошо было бы еще лягушку поймать – их здесь полно. Сверкают гладкой мокрой кожей, как пластмассовые! Отвратительные, пучеглазые, с мягкими белыми брюшками. Если перевернуть их палкой – брюшко раздувается, если нажать палкой сильнее... Бр-р-р...

С лягушками всегда проблема – мама никогда не позволит занести их в дом! Лягушки пойдут «в ход» позже, решает Мика, тогда, когда он сможет приходить сюда сам.

Он с удовольствием носится по берегу, вдыхает немного душный тростниковый запах, всеми фибрами ловит жаркие лучи майского солнца – охотится. Тетя Леля сидит на поваленном дереве с закрытыми глазами, подняв лицо вверх, – загорает.

Сквозь белую ткань легкой юбки просвечиваются нежно-розовые колени. Вот если бы она была его мамой, мечтает Мика. Хотя его мама красивее Лели. Только очень нервная. Не любит Мику...

Вот в банке затрепыхались несколько бабочек, три стрекозы, одна неизвестная зеленая букашка с длинными, как у стрекозы, крылышками. Ура! Теперь можно будет дождаться-

ся следующей прогулки с тетей Лелей – есть чем заняться до ее следующего визита.

– Ну, что, малой, нагулялся? – кричит Леля, поглядывая на часы. – Пора. Я еще с твоей мамой не наговорила!

Мика неохотно сворачивает сачок, расправляет шорты, плотно закрывает банку полиэтиленовой крышкой. Можно идти.

А была бы его воля – сидел бы здесь до вечера, до ночи, до следующего утра! Познакомился бы с ребятами, которые целый день играют во дворе в футбол. А то вообще, собрал бы свой маленький рюкзак и отправился бы в путешествие...

Но ему только семь. Это так мало. Он даже не дотягивается до замочной скважины собственной квартиры! Вот как только дотянется, мама еще за ним поплачет!

Дома на кухне уже сидит соседка, пахнет вареной картошкой, солеными огурцами...

Мика глотает слюну. Но он знает правило: сначала мама принимает гостей и на Мику – ноль внимания, потом – обед для него. Разве что со стола можно что-то незаметно стянуть. Или Леля занесет в его комнату бутерброд...

– Наконец-то! – кричит мама из кухни.

– Вот и наш герой! – сладким голосом говорит соседка.

Мика ее не любит. Он сам слышал, как она говорила, что у его мамы есть «мохнатая лапа». Но сколько Мика ни приглядывался к маминым ногам – никакие они ни волосатые!

И не «лапы» вовсе. Врет она!

Если бы это было правдой, разве маму показывали бы в кино? А мама у Мики – известная артистка. Он это видел собственными глазами по телевизору!

Правда, фильм этот больше почему-то не крутили – и мама плакала. Но есть несколько маленьких фильмов, которые крутят все время, – про мыло, про какой-то «педигрипал», про стиральную машину...

И везде в главной роли – она! В этих лентах вообще только она – красивая, молодая, улыбающаяся, настоящая кинозвезда! Вот – стоит под душем, голая, вся в пене, как морская царевна, поворачивается и сообщает всему миру: «Мыло «Идеал» сделает вашу фигуру идеальной!»

Или – сидит сверху на стиральной машине в белом пушистом халате, качает стройными ножками и прижимает палец к губам: «Тс-с-с... Никто не услышит, как ты спишь...» И все это видят. Когда мама берет его с собой в магазин, Мика часто слышит шепот в очереди: «Это же – она? Ну та, что голая в пене моется?» Маму это раздражает, а Мика – гордится. «Я еще им всем покажу!!!» – шипит мама. А Мика думает – что она еще собирается показать?

И все будто бы идет хорошо, только совсем не понятно, почему мама считает, что он, Мика, испортил ей жизнь? Так и сказала когда-то Леле (Это Мика сам услышал, когда подслушивал): «И почему я вовремя не сделала аборт? Поверила этому подонку, мол, не бросит, женится, вывезет чуть ли

не в Голливуд – родила! И что теперь? Ролики? А на что я способна еще, ведь у меня нянек нет – ни матери, ни бабушки, чтобы сидели с этим придурком!»

А разве плохо иметь ролики, размышлял Мика, он, например, мечтает о роликах... Но мама никогда их не купит...

...Мика хочет есть, но мысль о банке с живностью согревает душу, поесть можно и потом. Тем более, что краем глаза он замечает, как мама прячет в морозилку коробку с тортом, который принесла соседка. В морозилку – это означает, что торт весь сделан из мороженого, и еще сверху посыпан ягодами и шоколадной стружкой! И, видимо, весь его не съели, раз мама прячет его в холодильник.

Мика проскальзывает в свою комнату. Сегодня ему не хочется подслушивать разговоры старших, и он плотно закрывает дверь. У него множество интересных занятий. Он рассматривает банку, улыбается, наблюдая, как мечутся за стеклом стрекозы. Волнуются. Как пациенты в больнице.

Уже несколько недель, как у Мики появилось это увлечение. Оно поглощает его с головой, помогает преодолеть скуку, притупляет недовольство от того, что ему не позволяют гонять по улицам, как это делают другие дети. Даже мысль о еде кажется не такой острой, когда увлечен новым делом.

Мика осторожно достает из банки первую бабочку. Она нежно-белая, только туловище черненькое и тонкое, как у

гусеницы. Крошечная головка, едва заметные глазки, два ряда ножек-ниточек.

Сначала Мика отрывает оба крылышка с одной стороны и наблюдает за тем, как смешно забилась бабочка, заваливаясь на сторону, скользя по полу брюшком и выгибая кончик хвостика вверх. Мике даже кажется, что передними лапками бабочка хватается за голову: «Ой-ой! Что со мной случилось?»

Насмотревшись на эти забавные маневры, Мика отрывает остальные крылышки. Теперь насекомое просто ползет, неуклюже, как пьяное (такой иногда Мика видит маму).

Едва шевелит ножками-ниточками. Очередь – за ними! Осторожно и старательно Мика осуществляет и эту операцию. Теперь бабочка превращается в гусеницу и лежит неподвижно.

Мика ложится на пол, приближает лицо к объекту наблюдений, внимательно всматривается, чтобы разглядеть глаза, рот.

Безобразие! Остались еще закрученные усики. Мика мгновенно исправляет ошибку и снова пристально рассматривает плод своего труда, прикладывает ухо: не услышит ли хоть какого-то звука?

Но черненькое продолговатое туловище лежит неподвижно.

Наступает черед стрекозы. Вот она какая – глаза огромные, так и крутит лобастой головкой. И туловище у нее длин-

нее и толще, чем у бабочки. Следующий опыт должен быть интересным. Мика берет иглу и ножницы...

...Мороженого в этот день он так и не получил. «Не заслужил», – твердо сказала мама.

Мика уже знает, что взрослые парни «служат» в армии, и понимает, что для того, чтобы получить свою порцию сладостей, надо ее «заслужить». Но так хочется съесть торт сейчас! До спазмов в желудке, до истерики, до слез. Но Мика держится изо всех сил, ведь он знает: будет плакать – вообще ничего не получит. Мама говорит, что ее тошнит от его слез. Будто она их пробовала...

Мика ложится спать рассерженный, обиженный на маму, на соседку, на Лелю, которая так и не принесла бутерброд, на весь мир. «Вырасту, пойду служить в армию, – твердо решает он, – буду мороженое каждый день есть!»

...Утром нежный лучик солнца круглым пятнышком лежит рядом с его головой, как шарик мороженого. Мика даже пробует его на вкус – просто облизывает край подушки. Не сладко!

Мика сползает с кровати. В квартире тишина. Возможно, сегодня ему повезет – мама ушла куда-то на репетицию, и он сам залезет в морозилку. И пусть потом она ругается, пусть бьет, закрывает в темноте! Он готов ко всему.

Но мама, как всегда, сидит на подоконнике в кухне в прозрачном кружевном пеньюаре.

– Почему люди не летают?.. – бархатным голосом то спрашивает, то декламирует она. – Я говорю: почему люди не летают так, как птицы? Мне порой кажется, что я – птица... Дай! – Это она обращается к Мике, глазами указывая на пачку сигарет и зажигалку, которые лежат на столе.

Какая она сейчас красивая! Утренние золотистые лучи пронизывают ее насквозь, она вся светится, как сказочная фея, как бабочка...

И ножки такие гладкие, такие длинные, скрещенные, как у фарфоровой статуэтки, которая стоит в серванте. Мама кивает ему головой, закуривает и продолжает говорить что-то непонятное:

– ...когда стоишь на вершине горы – так хочется взлететь! Кажется, вот, закроешь глаза, взмахнешь руками и полетишь!..

Мика когда-то видел в кино, как летит женщина.

О чем было кино, Мика не понял – что-то о парне, который выслеживал шпиона. А потом забрался с девушкой на крышу, девушка не удержалась на краю – и полетела вниз. Так медленно, так красиво летела. Как бабочка.

Мама качает ножками, Мика заворуженно наблюдает.

– Что смотришь? – плаксивым голосом говорит мама. – Из-за тебя и не летаю! И никто не поможет... Никто...

...Милицейская машина, «скорая» и съемочная группа программы «События» приехали почти одновременно через

двадцать минут после того, как соседи сообщили о падении женщины с седьмого этажа четырнадцатизэтажки.

За закрытыми дверями квартиры громко ревел мальчик, сын покойной. Двери пришлось ломать, от чего рев усилился.

Сердобольная соседка сразу же позвонила близкой подруге покойной, мол, «пусть Лелька разбирается. Мне лишний рот ни-на-да!»

Во дворе работали эксперты, сустились врачи, толпились прохожие. А телеоператор, отсняв сюжет на улице, уже вошел в квартиру актрисы Н. Темный длинный коридор, две комнаты с расстеленными кроватями.

В «детской» – маленький топчан с довольно грязной простыней, засаленные обои, в светло-розовой гостиной более-менее прибрано, большая кровать накрыта игриво-розовым атласом, тусклые искусственные букеты в вазонах, все припорошено пылью...

Камера безжалостно шарила по всем углам и выхватывала мельчайшие детали: бутылки на столе, окурки в горшках с мертвыми цветами, немытая посуда...

А вот и то самое открытое окно на кухне, из которого полчаса назад совершено падение, стол с коробкой, в которой лежит наполовину съеденный торт, и, наконец, испуганное чумазое лицо мальчика...

Мальчик тихо скулит, размазывая по щекам слезы и шоколад. Он боится камеры, машет руками, залезает под стол.

– Прекратите немедленно! – Это врывается в квартиру теля Леля.

Она обнимает Мику, подхватывает на руки, и он успокаивается, замолкает, только тихо всхлипывает, пряча лицо в ее волосах.

Он сидит, прижимаясь к ней все время, пока ее о чем-то расспрашивает следователь.

О маме, о ее знакомых, о нервном состоянии и последних словах. Леля ничего не знает. Только крепче прижимает к себе Мику – он слышит, как Леля дрожит, как колотится ее сердце. Мика хочет защитить Лелю от строгого милиционера, но не знает – как. Его же не спрашивают! Если бы спросили, он бы объяснил, что мама просто захотела немного полетать.

Леля целует, гладит по головке Мику, говорит ему ласково, едва сдерживая слезы:

– Не волнуйся, золотко. Я возьму тебя к себе. А мама... она...

– Полетела? – подсказывает Мика.

– Да... да... – растерянно повторяет Леля и снова гладит мальчика по кудряшкам. – Я сделаю для тебя все, что захочешь... Хочешь, пойдём на пруд?..

– Нет, – качает головой Мика.

– А что ты хочешь?

– Можно я доем мороженое? – чуть слышно произносит он...

Часть первая

* * *

«Сегодня, наверное, мой день», – думала Марта, уверенно идя по центральной улице города.

И правда, с самого утра без лишних проблем, которые почти ежемесячно возникали при общении с бухгалтерией, она получила крупную сумму отпускных. И сразу же приобрела белую сумку, именно такую, какая подходила к ее белому сарафану. А еще удалось без очереди заплатить на почте долг за квартиру за три месяца.

Но не это было главным! Просто она ловила на себе дружелюбные взгляды прохожих, смотрела на свое отражение в стекле витрин, и оно, это отражение, ей нравилось. Даже очень. А поэтому надо было сделать еще один шаг: на углу центральной и боковой улиц она давно заметила небольшой магазинчик одежды, в который ей давно хотелось зайти.

Он привлекал тем, что там, за стеклом витрины, на двух длинных элегантных кронштейнах в стиле хай-тек, установленных один напротив другого, висели эксклюзивные изделия – женские платья и мужские костюмы известных иностранных фирм, и, как отмечалось на рекламном щите, они

были здесь только в единственном экземпляре.

Марта никогда не отваживалась заглянуть в этот магазин, но сегодня решила хотя бы прицениться к дорогим платьям – потянет ли такую покупку ее кошелек? Она точно знала, что не потянет. Даже на один рукав не хватит. Но в конце концов надо хоть раз поинтересоваться, чтобы успокоиться, а не смотреть на эту витрину, как кот на сало. Главное – уверенно держаться.

Марта решительно открыла дверь. Сразу же раздался мелодичный перезвон колокольчиков, висевших над дверью.

– Добрый день! – поздоровалась с ней любезная молодая продавщица. – Вам помочь?

Марта понимала, что так общаться с потенциальными покупателями требует этикет, это правильно и даже необходимо, но навязчивый сервис раздражал ее и будто обязывал сделать покупку. Марта знала: как только она начинает общаться с любыми продавцами, как ненужная ей вещь – у нее в кармане! Такой уж дурацкий характер – не может сопротивляться! Поэтому она напустила на себя строгий вид.

– Спасибо, я посмотрю сама!

В отличие от назойливых рыночных торговцев, вежливая девушка сразу села в свое креслице.

Марта подошла к кронштейну и с удовольствием стала перебирать одежду, которая даже на ощупь казалась сотканной из лепестков или связанной из золотого руна. Но цены! Марта всегда удивлялась: кто такое покупает?! Разве что снобы

или придурки.

Она вздохнула и сняла одну вешалку с платьем, которое выглядело солиднее других, было похоже на одежду «бизнес-леди», подошла к зеркалу и с деловым видом приложила платье к себе. Неплохо! Даже очень неплохо, если не сказать – просто замечательно. Марта вздохнула, наклонилась, чтобы внимательнее рассмотреть этикетку, и неожиданно нащупала в кармане платья что-то твердое, продолговатое, похожее на пачку тонких женских сигарет.

Продавщица не смотрела на нее. Марта осторожно полезла в карман и вытащила оттуда... крошечный мобильный телефон. Она даже не сразу сообразила, что это, настолько красивым было это произведение дизайнерского искусства.

Конечно же нужно поступить честно и тут же отдать его продавщице, подумала Марта, но есть ли уверенность в том, что та не заберет его себе? А если так, тогда зачем отдавать?

Убедив себя таким образом, девушка быстро сунула телефон в карман, еще раз внимательно пересмотрела платье, сделала вид, что ни одно ей не понравилось, и, кивнув продавщице: «До свидания!», торопливо вышла на улицу, опасаясь, не была ли это какая-нибудь проверка. А еще хуже – съемки скрытой камерой, которые вошли в моду и грозят стать сущим наказанием для нечистых на руку рядовых граждан.

Но никто не бежал за ней, не хватал за руки, не обвинял в присвоении чужого имущества. Несмотря на это, Марта ре-

шила срочно перейти на другую сторону улицы и затеряться в толпе.

Было двенадцать часов дня, солнце уже припекало затылок, а щеки Марты горели, будто она совершила преступление.

В половине первого девушка должна была встретиться со своей подругой возле старинного фонтана в кафе, которое так и называлось – «Фонтан». Марта пришла раньше, заказала бокал холодного пива. Людей в кафе было много, все громко разговаривали, из динамиков лилась музыка. На Марту никто не обращал внимания.

И она наконец смогла извлечь телефон из кармана и внимательно рассмотреть его: маленький аппарат фиолетового цвета с такими мелкими кнопочками, что их можно было нажимать разве что кончиками ногтей. Хорошенькая штучка!

– О, ты уже здесь! – раздалось над ее головой.

Татьяна, как всегда, говорила громко и, по обыкновению, уже стреляла своими черными глазками по сторонам. Наконец ее взгляд невероятным усилием воли смог сконцентрироваться на руках Марты.

– Ого! Купила себе мобильник? Какой хорошенький! – Она присмотрелась внимательнее и разинула рот: – Ого! Крутая штучка! Сколько ты за нее отдала?

– Это выдали на работе, – сухо отрезала Марта, пряча телефон в сумку. Рассказывать о происшествии ей не хотелось. – Сегодня первый день отпуска, а работы столько, что

могут в любой момент вызвать...

Татьяна обиженно пожала плечами:

– Хорошая у тебя работа, если на ней выдают такие крутые мобилы...

Конечно, не поверила, подумала Марта.

Они сидели на улице в тени, пили пиво, лениво перебарываясь репликами. Марта поймала себя на мысли, что общение с бывшей одноклассницей давно потеряло смысл. Обсуждать, кроме мужчин, нечего, других общих тем мало, а повода распрощаться и уйти в ближайшие несколько минут не предвидится. Татьяна громко пересказывает вчерашнее приключение в такси, на них оглядываются. Поток сознания с примесью сексуальной озабоченности. Марта делала вид, что слушает, и украдкой поглядывала на часы.

Вдруг откуда-то до нее донеслась приглушенная мелодия адажио Альбинони. Такая очаровательная, такая завораживающая мелодия! Она будто перечеркнула все попсовые крики, несущиеся от барной стойки, спустилась на этот пивной остров, как золотой шар, окутала какой-то светлой тревогой, предчувствием чего-то настоящего, смутила, заставила вертеть головой в поисках источника, откуда неслись звуки. Приглушенная мелодия звучала где-то совсем рядом. Но – откуда?

– Это же твоя мобилка! – догадалась Татьяна.

Марта робко достала телефон, который наполнил ее ладонь волшебными вибрациями, сделала большой глоток из

бокала под любопытным взглядом подруги. Некуда деваться – надо отвечать. Неуверенным жестом поднесла аппаратик к уху, нажала кнопку с нарисованной на ней трубкой:

– Слушаю...

Несколько секунд она просидела неподвижно, потом нажала на противоположную кнопку и спрятала телефон в новую сумку.

– Что-то важное? – ехидно спросила Татьяна, увидев, что подруга изменилась в лице. – На работу вызывают?

– Да, вызывают, – рассеянно подтвердила Марта и встала. – Не обижайся, мне нужно идти...

Татьяна пожала плечами.

Марта шла под пристальным взглядом бывшей одноклассницы, а в голове еще звучал голос из трубки – тихий, хрипловатый, кошачий: «Даю тебе пару часов для возможности не портить наши отношения... Возвращайся или пожалеешь...»

* * *

В этот день у Марты было еще множество неотложных дел. Надо было съездить к нотариусу, переоформить бумаги на автомобиль, который недавно достался ей в наследство от какого-то дальнего родственника по материнской линии, отсидеть два часа на очередной лекции в автошколе, забрать из детского сада сына старшей сестры и отвести его домой,

поскольку Мария этого сделать не могла из-за какого-то экстренного собрания на работе.

Казалось, дел – множество. И сначала Марта чувствовала себя озабоченной деловой женщиной, обремененной кучей серьезных проблем. Нотариус, водительские курсы, детский сад – ох...

Но неожиданно на нее свалилась неприятная мысль – так, будто огромная капля холодного дождя попала в самое темечко: все это мелочи, никому не нужная ежедневная суета, «суета сует». В этих делах нет ничего интересного, нового, судьбоносного и духовного. Того, что могло поднять над обыденностью, дать новый толчок к жизни, новые ощущения и возможности. Нет ради чего и чем жить!

Марта даже замедлила шаг, пораженная этой ужасной мыслью. Честно говоря, с такой ясностью эта мысль пришла к ней впервые. Работа, дом, иногда – вечеринки, порой – скучные свидания со скучным предсказуемым финалом, сериалы, которые смотришь «вполглаза», чтобы не лежать в полной тишине, случайное, несистематизированное чтение – чтобы просто уставиться глазами в страницу, когда едешь в транспорте.

Увлечений нет. Настоящих друзей – тоже. Таланта Бог не дал...

Чем жить?

Марта ехала в метро, смотрела на людей вокруг себя и думала – неужели они все живут так же, как и она. И ку-

чу своих мелких будничных дел воспринимают как настоящую жизнь, хлопочут, суетятся, отвоевывают себе место под солнцем, которое в конце концов сводится к вполне определенному масштабу: «два на два» – на кладбище. Зачем все это?

А может, не все так живут? Взгляд выхватил фигуру худощавого юноши, который раскачивался над ней, как водоросль под водой, держа в руке книгу «Чудо полета», а ниже мелкими буквами в кавычках было написано «История космонавтики». Марта улыбнулась почти сквозь слезы – нет, не все...

Лицо юноши было сосредоточенным и отстраненным, как будто он находился в другом измерении. Он внимательно и восторженно смотрел на страницу, иногда поднимал глаза и глядел в окно – в небо. А потом, отдохнув в своих фантазиях, возвращался к каким-то сложным рисункам в книге. У него было тонкое, одухотворенное лицо – лицо, не имевшее опустошенного выражения. Была бы ему интересна она, Марта? Наверняка нет. Марта вздохнула и перевела взгляд дальше.

Женщина, сидевшая рядом, тоже уставилась в книгу – цветастый, как обертка от леденца, любовный роман. Тоже другое измерение. Она представляет себя Дианой, Анжеликой, Изабеллой или Скарлетт и свято верит, что завтра ей на голову свалится Ред Баттлер или дон Педро с маленькими черными усиками и поведет по бурному житейскому морю, аки посуху. Ее жизнь преисполнена мечтами и всякой ерун-

дой, и она никогда не задумается над ее искусственностью. И не будет страдать от мыслей о собственном несовершенстве.

А чем живет она, Марта? Возможно, приключение с телефоном дает шанс что-то изменить, расшевелить себя, кого-то спасти или найти единомышленников?

«Вот растяпа! – мысленно ругала она владелицу телефона. – Наверное, зашла примерить шмотки и случайно сунула аппаратик в карман нового платья, а потом так и повесила его на кронштейн. Теперь, видимо, решается что-то важное в ее личной жизни. А она, дуреха, об этом и не догадывается – ходит где-то вместо того, чтобы идти к обладателю такого красивого бархатного баритона...»

Вот бы ей, Марте, так позвонил Андрей!

Нет! Одно лишь это имя, даже произнесенное в мыслях, заставляет сразу же поднять глаза вверх, ведь они наполняются слезами, и нельзя дать им пролиться, коварно побежать по щекам солеными ручьями. Интересно, когда же пройдет эта боль? Уже год, как они не живут вместе, а все равно – сердце ноет, будто все произошло вчера. И не дают покоя сомнения. Возможно, не надо было горячиться? Думала, что он никуда не денется. А он ушел и не вернулся. Более того, как говорят знакомые – уже собирается жениться.

А она, Марта, только сейчас поняла, что совершенно не может быть одна, что ее угнетают одиночество, тишина, пустота в квартире и в душе. Пусть бы был – уже не такой и любимый, но – привычный. Как у всех. В какой-токой глу-

пый момент она посчитала себя лучше других?

...В нотариальной конторе она пробыла около получаса – все выяснилось довольно быстро. Стало понятно, что автомобиль достанется ей не скоро, ведь на него имеется еще куча претендентов. Марта посмеялась вместе с представителем своих интересов и с легкостью отказалась участвовать в соревновании за какую-то несчастную допотопную «ладу», которую еще должны были каким-то образом разделить на восемь частей.

По пути в автошколу она еще успела зайти в «Украинские блюда» и перекусить несколькими овощными салатами. Теперь, по крайней мере, можно высидеть пару часов на скучных и непонятных, а главное – совершенно бессмысленных в ее ситуации лекциях.

Пойти на курсы ей посоветовала та же Татьяна. «Научишься водить или нет – это дело десятое! – сказала она. – А вот мужиков там наверняка много. Может, познакомишься с кем-нибудь...»

В последнее время все знакомые отчаянно хотели выдать ее замуж, донимали вопросами, почему она – такая красивая, умная и молодая – еще ходит одинокая, как неприкаянная. Слышать это было довольно неприятно. Все же были «прикаянные»! Порой – просто прикованные к семейным галерам. И одна Марта, по их мнению, плыла себе по течению, как отвязанная от причала лодка.

...Марта обошла детскую площадку, зашла во двор сред-

ней школы, где находились водительские курсы. Она немного опоздала, извинилась и под укоризненным взглядом инструктора тихонько села на свое место – за школьную парту рядом с дородной женщиной Светланой Сергеевной.

Инструктор стоял у доски и чертил какую-то траекторию. Марта вздохнула, раскрыла тетрадь: деньги заплачены – нужно учиться, может, когда-нибудь понадобится. Впереди и сзади сидело человек семь-восемь, из них только двое мужчин – «старый и малый». Старый засыпал, малый громко жевал жвачку. Вот тебе и «познакомишься»!

Марта не слушала, о чем бубнит инструктор, водила ручкой в тетради и нарисовала какую-то забавную рожицу. А потом снова услышала знакомую мелодию.

Мелодия снова удивила и смутила своей тревожной гармоничностью – слушала бы и слушала...

Инструктор бросил недовольный взгляд на аудиторию, и Марта поспешила вытащить мобильный, молча нажала на кнопку.

«Время истекло, – сразу донеслось из телефона. – Ты непослушная девочка, и я должен наказать тебя...»

Голос еще что-то говорил, но Марта испугалась и отключилась.

К чему ей лишние заботы, чьи-то отрицательные эмоции, которые ее не касаются? Надо будет подумать, как изменить номер, чтобы этот голос больше не беспокоил ее. Или не вычислить через операторов. Но как это сделать, Марта не зна-

ла...

Она так и не смогла сосредоточиться до конца занятий и все время боялась, что звонок повторится. Сейчас голос уже не показался ей таким привлекательно-бархатным, теперь он был бесцветным, сухим, как сено.

Если к первому звонку она отнеслась с пониманием и даже позавидовала той, которую ждут, которой дают шанс вернуться, то теперь она представила себе, как где-то в другом конце города в пустом доме сидит брошенный мужчина, возможно, какой-то психопат, и придумывает страшное наказание своей жене или любовнице. Почти так же когда-то звонил и Андрей, но недолго (Марта опустила глаза и снова рассердилась на свою сентиментальность).

А если разыскать эту женщину, найти ее и предостеречь от поспешного шага? Поделиться с ней тем, как по ночам душат воспоминания, а запахи, музыка, места, где бывали вместе, навевают такую тоску, что никуда от нее не сбежать.

На этом занятии, собственно, как и на пяти предыдущих, Марта так ничего и не поняла. Вышла уставшая, хотелось спать. Ее соседка по парте без умолку тарыхтела, пока они вместе шли к троллейбусной остановке. Это тоже был поток сознания, как и у Татьяны, но на этот раз в него вплелись ненужные Марте истории о болезни свекрови, о выведении пятен различными химическими средствами и преимуществах одних средств перед другими, о перевозке пекинесов иностранными туристами в обувных коробках в Ли-

вию, о нитратах, которые мы потребляем, о полезном геле от целлюлита и о многих других вещах, которыми Светлана Сергеевна заполняла свою жизнь.

Не дослушав пересказ сто сороковой серии «Цыганского счастья», Марта извинилась, поспешно распрощалась и, заметив маршрутку, помчалась через дорогу. Она правильно рассчитала: полная Светлана Сергеевна на такой поступок не была способна и осталась стоять на противоположной стороне с открытым ртом, в котором застрял последний крик цыганского барона Мурильо, безмерно сожалея о том, что потеряла слушателя.

Марту ждало еще одно дело – детский сад, а потом день можно было бы считать законченным.

В маршрутке мелодия Альбини, к которой Марта почти привыкла, горячо резанула по нервам – все-таки это какая-то неземная, нечеловеческая мелодия – ее можно было написать только кровью уставшего и разорванного сердца! Надо будет найти какую-то литературу, почитать об этом композиторе...

Что будет на этот раз? Марта не спешила доставать трубку, размышляла, стоит ли сразу послать владельца голоса куда-нибудь подальше, объяснив, что его барышня выбросила мобилку, а она, Марта, подобрала ее в мусорном контейнере? Но, бросив взгляд на попутчиков, решила промолчать – просто нажала кнопку.

«Думаешь, я тебя не найду? Ты плохо меня знаешь. Обещаю: если не вернешься добровольно, мать в Лесном получит твою голову в коробке из-под торта!»

* * *

– Мата пришла! – обрадовался племянник, увидев, как она идет к площадке, на которой играли воспитанники детсада под наблюдением молоденькой студентки-практикантки. Марта улыбнулась. С легкой руки четырехлетнего Славика в семье прижилось это имя – Мата.

А муж сестры даже обращался к ней не иначе как «наша Мата Хари». Вероятно, сестра жены казалась ему загадочной на фоне их стабильной и выверенной по минутам супружеской жизни.

Марта подхватила племянника на руки, кивнула воспитательнице и понесла мальчика к выходу. Он обнимал ее за шею, перебирая пальчиками пряди ее волос. Можно было бы опустить его на землю, но сейчас Марте были приятны его тепло, нежный запах, прикосновение чумазой прохладной щечки к ее горячему лбу.

Марта уже упрекала себя за утреннюю кражу этого телефона. И хотя она понимала, что угрозы ее не касаются, все равно на душе было неуютно. А если это не шутки? И даже если она заблокирует номер или выбросит этот телефон, сможет ли забыть о том, что кто-то – а возможно, какой-то

подонок или психопат – охотится на беззащитную женщину? Что делать? И стоит ли что-то делать? А если стоит – что именно? Пойти в милицию? Ну это уж точно – нет. Однажды ей пришлось обращаться в отделение, когда ее ограбили в лифте, и никакого результата, кроме того, что ей сказали, чтобы она не морочила голову своими мелочами. Посоветовали забыть.

Итак, что делать с этими звонками, неизвестно. Лучше забыть.

Словно во сне она донесла Славика домой, как положено, минут десять пообщалась со свекровью сестры (та была совсем старенькая) и решила не ждать возвращения Марии с собрания. Разложила на столе фломастеры, бумагу – пусть пока малой порисует, – налила Анне Павловне чая... Ничего, как-нибудь вместе дождутся!

Ей хотелось поскорее уйти к себе – Марта жила неподалеку – и что-то решить со своей находкой, которая уже порядком потрепала нервы за сегодня.

Дома ее немного отпустило. Телефон молчал. Марта поужинала, включила телевизор, прилегла на диван. Может, не стоит принимать так близко к сердцу чужие проблемы? Она достала из сумки телефончик и внимательно рассмотрела его – миниатюрный, темно-фиолетовый, с золотистыми кнопками, хорошенький...

Вот если бы знать, как его нейтрализовать. Почему она,

Марта, такая неграмотная, когда дело касается какой-то техники? Это же должно быть элементарно! У всех уже давно мобильные телефоны. И все говорят, что это очень удобно. И только она не может решиться посадить себя на этот «короткий поводок». Не видит в этом никакого смысла – все равно звонить некому.

А если посоветоваться с Андреем? А что здесь такого? Отличный повод! И довольно серьезный. До сир пор не было никакого. Даже стиральная машина не портилась.

Может, сегодняшнее приключение с телефоном не случайно – возможно, небо дает шанс наладить когда-нибудь дружеские-супружеские отношения, услышать голос, рассказать о себе? К кому же еще она может обратиться? Не объяснять же Таньке, что украла чужую вещь!

Марта вскочила с дивана. Вдруг у нее не осталось номера телефона его новой квартиры! Она с волнением принялась рыться в старой записной книжке. Вот он, есть! Записан карандашом под диктовку общего друга, которого встретила на улице год назад. Марта уже не боялась, что кто-то заметит ее слезы. Вспомнила, как непринужденно и весело спросила тогда у Саши: «Ну, как там мой бывший, видишься с ним?» И зачем-то выудила у него этот номер... А потом ни разу так и не отважилась набрать эти цифры...

Что ж, время прошло, можно воспользоваться случаем. Но палец предательски останавливался на последней кнопке. Наконец ей удалось преодолеть волнение.

– Слушаю!

В этот момент Марте показалось, что дело у нее мизерное, бессмысленное и похоже на ложь, что никаких ужасных сообщений она не слышала, что все это бред и игра ее больного воображения, а единственное, что было правдой, – желание услышать это спокойное «слушаю» и... нажать на отбой.

– Слушаю, – повторил Андрей.

Марта решила отозваться.

– Это я, – она пыталась говорить быстро, чтобы он понял, что у нее действительно важное, неотложное дело, которое может решить только он. – Извини, что беспокою, но мне нужно посоветоваться...

И рассказала все, что произошло сегодня, начиная с самого утра, периодически спрашивая: «Ты еще можешь говорить?»

Марте хотелось быть тактичной, дать понять, что она кое-что о нем знает и не собирается вызывать ревность его новой подруги. С другой стороны, этим вопросом она подчеркивала, что теперь он – несвободен. А точнее, не настолько свободен, чтобы не отчитываться за этот долгий разговор с бывшей женой перед другой, которая, возможно, ходит (или лежит?) рядом.

– Да... – задумался он после ее монолога, – ты меня, как всегда, удивляешь. Если ничего не сочиняешь... Все просто. Во-первых, как только будет следующий звонок, посмотри на экране номер абонента – он высвечивается. Во-вторых,

на задней панели аппарата имеется ячейка для сим-карты. Открой, вытащи ее. Запомнила?

– И что дальше?

– Ничего. Потом купишь себе новый пакет и будешь пользоваться. Это все, что ты хотела спросить?

– Да...

– Тогда пока!

В трубке раздался отбой.

Вот и все.

Марта представила, как, положив трубку, он недовольно объясняет Той, Которая Рядом, что говорил с женщиной, которая теперь («Не волнуйся, дорогая!») ему безразлична, которую давно забыл (и это было ясно по его спокойному голосу), с женщиной беспомощной и неуравновешенной («Истеричка! Когда-то сама выгнала меня...»), с той, о которой не стоит говорить («Ты у меня – лучше всех!»)...

Марта сама не заметила, как механическим движением нажала кнопку мобилки, которая уже несколько секунд снова наигрывала тревожную мелодию.

Содержание очередного сообщения дошло до нее после того, как она с отвращением отключила неизвестного абонента: «До тебя, девочка, видно, ничего не доходит... Что же... Сделаем иначе: вскоре будешь собираться на похороны своей матери. Я не шучу! Кстати, там и встретимся. Ты не сможешь не приехать».

О господи! Марта резко перевернула телефон, открыла

крышку, поддела ногтем тонкую пластинку. Сначала хотела выбросить ее в приоткрытую форточку, но, подумав секунду, сунула на дно прикроватной тумбочки. И вздохнула с облегчением: теперь эта проклятая машинка больше не сыграет ей свое адажио! Все закончилось.

Можно расслабиться и больше никогда не вспоминать о неприятном происшествии. А красивый телефончик сохранить, как талисман. Все же это недоразумение дало повод обратиться к Андрею, услышать его голос. Мобилка понадобится когда-нибудь позже...

Пока же можно будет выкладывать ее на столик в кафе, как это делают «деловые женщины».

Так, для повышения самооценки...

* * *

...Несмотря на то что мобилка больше не отзывалась, зазвонить этой ночью Марте так и не удалось. Навязчивые вопросы лезли в голову – кто она, эта женщина, почему ее так настойчиво разыскивают? Возможно, это вовсе не шутки, не угрозы брошенного мужа, а что-то намного серьезнее? Если бы эта растяпа не потеряла телефончик, она бы уже что-то предприняла, чтобы оградить себя или предостеречь мать от мужа-психопата.

Марта была уверена, что владелицу мобилки можно было бы как-то вычислить через телефонную компанию, но как

это делается? Не звонить же снова Андрею. Это было бы уже слишком.

Обратиться в милицию? Тогда придется признаться, что она украла чужую вещь. Да и кто станет заниматься таким пустяком, если вокруг столько нераскрытых настоящих преступлений?

За окном уже давно белел заостренный молодой месяц, а Марта все не могла сомкнуть глаз. словно кинолентку прокручивала весь день, начиная с того момента, как открыла дверь магазина.

Интересно, как мобилка оказалась в новом платье? Видимо, женщина была взволнованна, раздражена, утратила бдительность. Но тогда зачем в таком состоянии заходить в магазин? Хотя здесь все вроде понятно: решила начать новую жизнь с покупки. Нелогично, но очень по-женски. Ведь Марта сама в первые дни разлуки с Андреем поступала так же: пошла сначала в парикмахерскую, сделала короткую стрижку, а потом решительно потратила чуть ли не все деньги на супермодный брючный костюм. Он до сих пор висит в шкафу, ненужный. Андрей так и не увидел, как он ей идет! Но ведь Андрей, хоть и разозлился из-за ее решения расстаться, но не угрожал, не говорил таких ужасных вещей!

По спине пробежали мурашки. «...Мать в Лесном получит твою голову...», «...будешь собираться на похороны своей матери...»

Разве так можно? Марта почувствовала острую жалость

к незнакомой женщине. Наверное, она совсем молодая, возможно, ее ровесница. Судя по такой дорогой мобилке и по тому, что посещала бутики, – была при деньгах, а учитывая размер платья, которое примеряла, – была хрупкая, стройная, высокая. Обидно... Вляпалась девочка в историю. И, наверное, некому утешить, помочь. Мать, как говорил голос, живет в Лесном. Глухомань...

Видимо, девушка оттуда сбежала ради «красивой» жизни. Мало ли таких в городе? Он поглощает провинциалок, как Молох, и, как безжалостная мельница, перемалывает, пережевывает и выплевывает на окружную дорогу, где днем и ночью толкутся проститутки... Недавно, вспомнила Марта, поймали двух братьев-бандюг, которые убивали на этой дороге девушек, и не только проституток.

От этой мысли Марту прошибает ледяной пот. А вдруг все эти угрозы действительно не шутка? Женщина спасается от какого-то криминала? Может, она уже далеко и не знает, какая угроза нависла над ее матерью.

Марта даже подпрыгнула на кровати: решение принято! Завтра она поедет в Лесное! Это не так уж и далеко, к тому же у нее отпуск – время есть. Село небольшое, в нем должны знать, у кого дочь уехала в город и, судя по всему, хорошо устроилась, – люди все знают.

«Поеду, – решила Марта, – поговорю с той женщиной, как-то аккуратно расспрошу, узнаю, где ее дочь, с кем? Может, ничего страшного и нет – так, бытовой семейный кон-

фликт... В конце концов, моя совесть будет чиста...»

* * *

Утром все показалось другим, не таким ужасным. Заваривая кофе, Марта даже задумалась, стоит ли ехать в какое-то село в такой жаркий день.

Чужие проблемы отошли на второй план. В конце концов, в мире каждую минуту совершается преступление. Одним больше, одним меньше...

Глоток горячего кофе обжег нёбо и будто повернул мысли в другую сторону. Еще совсем недавно она не проходила мимо любой несправедливости. Теперь душа окаменела, научилась «держаться удар», больше не отзывается ни на что. Даже нищие, которые ходят по вагонам метро или сидят в переходах, вызывают только легкое сочувствие. Она проходит мимо, стыдливо придерживая сумку, в которой лежит кошелек, но никогда не достает его – спешит, как все.

Недавно, перебегая из автобуса в метро, услышала тоненький голос: «Купите спички, пожалуйста...», и уже пробежала, фиксируя взглядом маленькую старушку, которая держала в руках несколько коробков со спичками. Кому они сейчас нужны? Промчалась мимо. Оглянулась, похлопала себя по карманам и... побежала дальше. А потом весь день упрекала себя, мысленно возвращалась туда, к тому тоненькому детскому голоску...

Нет, все-таки надо поехать. Хотя бы для того, чтобы доказать себе, что еще способна на сочувствие.

Марта быстро уложила в сумку самое необходимое (на всякий случайхватила и купальник – вдруг в селе есть река) и отправилась на автовокзал.

Уже в десять утра жара была такая, что каблуки вязли в раскаленном асфальте. За билетами в Лесное в кассе стояли только две женщины, автобус отправлялся через десять минут.

Марта нашла платформу и ужаснулась: как она выдержит два часа езды в этой тарантайке? Такие автобусы, конечно, ходят только в заброшенные села – пыльные, узкие, с порезанными сиденьями и множеством грубых надписей на спинках кресел. Но Марта своих решений не меняла: ехать – значит ехать!

По пути в автобус подсели две-три женщины. Марта устроилась на заднем сиденье и смотрела в окно. Женщины громко разговаривали, перекрикивались с мужчинами, автобус тархтел и прыгал, как игрушечный, дорога желтой пылью клубилась под колесами.

Марта невольно вспомнила, какой была дорога в Черногорию в позапрошлом году, куда они с Андреем ездили отдыхать. Какие удивительные страны есть на белом свете и какие дороги! Автобус, как лайнер, шел по «ужвице» – так называлось шоссе, которое вьется вокруг гор, как лента серпантина.

Марта никогда не забудет эту дорогу... Запах горного леса можно сравнить разве что с запахом моря. Волны соснового воздуха периодически захлестывали окна, возбуждали, как наркотик. И в этих горах, посреди плотной стены сине-зеленых сосен, как грибы, торчали аккуратные домики с красными крышами. Они расположились на возвышенностях и в долинах на большом расстоянии один от другого. Марте хотелось остановиться именно здесь, пожить хотя бы неделю среди этих гор, в этом величественном покое и зеленом разнообразии. Какая это была бы сказка! Днем наслаждаться воздухом, посещать монастыри и часовни, которые каким-то чудом были высечены в скалах, органично вписываясь в горные пейзажи, будто и не были творением рук человеческих. Вечером выходить на трассу в кафе – аккуратные, с современным дизайном и хорошей кухней, где хозяева радуются каждому посетителю.

Пить кофе или пиво и глазеть вокруг – такая красота никогда не надоест! Жить так день за днем и не чувствовать усталости от однообразия, ведь в горах его не бывает...

...Марта не заметила, как осталась в салоне одна. Люди постепенно выходили на остановках в своих селах, никто, кроме нее, не ехал до конечной, до Лесного. Водитель время от времени поглядывал на одинокую пассажирку, поблескивая металлическими зубами, и Марта чувствовала себя неуютно.

– Вам в Лесном где остановить? – наконец крикнул ей во-

дитель.

А действительно – где? К кому она, собственно, едет?

– У продмага, – попросила Марта.

Слово «продмаг» вырвалось случайно – что-то из забытого детства. Но идея правильная: вместо того чтобы спрашивать по дворам о некой девушке, которая уехала работать или учиться в город и не вернулась, лучше посетить магазин и завести разговор с продавщицей – беспроигрышный вариант!

Автобус въехал в село. Примерно так Марта его себе и представляла: горбатые крылечки, небольшие скособоченные домишки, на площади перед разваленным почтовым отделением – облупленный памятник какому-то вождю. Когда-то выкрашенный «серебрянкой», он напоминает полуистлевшее тело – наверное, жуткое зрелище ночью. И – ни одного человека на улице.

Водитель остановил возле магазина. Марта вышла, огляделась. Над зданием, похожим больше на тюрьму – окна с решетками, металлические двери, покрытые ржавчиной, – две надписи, сделанные, видимо, местным художником: «Маркет», а ниже, в кавычках, было добавлено: «Продмаг».

К счастью, двери магазина были открыты.

Марта отодвинула желтые занавески из марли и вошла внутрь. Женщина, сидевшая за прилавком, листала «покет-бук» с огромным розовым сердцем на обложке и жевала огурец. Увидев Марту, она бросила огурец под стол, поправи-

ла белую полотняную наколку, торчащую в копне волос, и с интересом посмотрела на приезжую.

Марта поздоровалась.

– Вы откуда и к кому? – приветливо, но с напором спросила женщина, и Марта поняла, что поступила правильно. попала в самый центр распространения информации.

– Проездом... – коротко объяснила она и обвела взглядом прилавки: рыбные консервы, банки с мутным соком, леденцы «Монпансье» в круглой жестянке... Словно машина времени отбросила ее на десять или больше лет назад.

«Монпансье» – это воспоминание о детстве, когда, детишками, они во дворе соревновались, кто больше затолкает в рот этих разноцветных леденцов.

Марта купила круглую коробочку, потрясла ею над ухом – конфеты не тарахтели. Наверное, давно уже превратились в плотный конгломерат, который надо разбивать молотком.

– Вы из города? – снова обратилась к ней продавщица.

Ей хотелось поговорить, а еще больше – узнать, к кому приехала эта красивая молодая женщина.

– Да, – ответила Марта и решила начать игру.

– Вот приехала и не знаю, что делать... – жалобно произнесла она, – придется обратиться к вам за помощью.

В глазах продавщицы засветилась радость, она оперлась грудью на прилавок и вытянула шею:

– Слушаю вас.

– Я разыскиваю одну молодую девушку, жительницу ва-

шего села, – начала Марта, – а проблема заключается в том, что лично я ее не знаю...

– У нас здесь давно нет молодых, все разбежались. Что им тут делать? В клубе уже четвертый месяц идет «Зита и Гита», – сказала продавщица. – А вы, случайно, не из милиции?

– Я работаю в прокуратуре, – неожиданно для себя соврала Марта.

Сообщение, что к ним пришла работница прокуратуры из города, произвело на продавщицу большое впечатление.

– Чем я могу вам помочь? – любезно спросила она.

– Возможно, вы вспомните, у кого из местных есть дочь, которая примерно два-три года назад уехала в город...

– Ой, у нас таких – полсела!

– Кроме того, – продолжала Марта, – она хорошенькая, достаточно высокая...

– Ленка! – радостно перебила женщина. – Точно – Завалишчина Ленка!

– ...стройная, – продолжала Марта.

– Нет, не Ленка, – засомневалась женщина, – та при теле...

– А еще эта молодая женщина, скорее всего, неплохо устроилась в городе – учится или работает...

– Они все учиться едут, – буркнула продавщица, – а потом оказывается – сопли богачам подтирают...

– ...у нее есть муж или жених...

– Все они так говорят...

Женщина нахмурилась и принялась елозить тряпкой по прилавку.

– Так это же Валькина Зойка! – неожиданно над самым ухом прокричал другой женский голос.

Ни Марта, ни продавщица не заметили, как в магазин вошла еще одна покупательница и даже успела набрать в корзину шесть буханок хлеба, а теперь с интересом прислушивалась к разговору.

– Точно Зойка! – продолжала женщина. – Поехала в прошлом году поступать в институт. А весной привезла Вальке михроволновку, кофту новую – индийскую... За что, интересно, студенткам такие деньги платят?

– Ну, Зойка... – согласилась продавщица. – Она и красивая, и стройная. Да говорила Валька, что жених у нее богатый...

– Да... – поджала губы женщина с буханками. – Встречалась с нашим Серегой. Это, кстати, он и помог ей в городе устроиться. А сейчас нашла другого, богатого... Вот дуры бабы, я когда-то в свое время...

– А кто такой Серега? – прервала ее Марта, чувствуя, что наткнулась на то, что искала.

– Это наш парень. Бегал за той Зойкой еще со школы. Потом перебрался в город. А что? Руки у него золотые... Работает где-то на хвирме, которая окна эти модные – «стеклопакеты» – устанавливает. Вот она и поехала якобы к нему...

– А Валька говорила, что на экзамены поехала! – вставила

продавщица.

– Это она тебе так говорила... Короче, это точно Зойка. У нас другие не привозят таких подарков. Только за картошкой и вареньем приезжают! А Зойка матери всегда что-то припирала – то чайник электрический, то краску для волос. Внимательная девка.

– Да брось ты! Вот моя Майка, может, и не такая разукрашенная, да хоть замужем, – надулась продавщица, – а об этой неизвестно, чем она там, в городе, занимается...

– А не подскажите мне еще вот что: фамилию этого Сергея и где он работает? – Марта даже возгордилась своими розыскными способностями. Если удастся узнать что-то о парне, можно было бы найти его в городе и выяснить, не от него ли скрывается хозяйка мобильного телефона.

Женщины охотно сообщили все, что знали. По крайней мере, фамилию. А потом, поспорив немного, вспомнили и название фирмы, которой неоднократно хвастались перед односельчанами родители Сергея.

– Он и им такие окна поставил! И председателю сельсовета!

– Не председателю, а директору школы!

– А я тебе говорю – председателю!

Они принялись живо обсуждать соседей, а Марта, разузнав, где живет мать девушки, быстро вышла из магазина.

Валентина Николаевна, к которой женщины направили Марту, жила в небольшом опрятном домишке недалеко от руин сельской библиотеки.

Марта сразу заметила во дворе невысокую худенькую женщину, которая, став на цыпочки, подкрашивала раму белой краской.

– Можно к вам? – крикнула Марта через забор, опасаясь, что на нее бросится собака.

Но никакой живности во дворе не наблюдалось. Только на огороде копошилось несколько кур.

Женщина обернулась. Приятное узкое лицо, большие светлые глаза... Она приветливо улыбнулась и поспешила открыть перекошенные металлические ворота.

– Пожалуйста, – сказала она и, опережая вопрос, внимательно посмотрела на Марту, – вы от Зои?

– Нет. Но, собственно, я бы хотела поговорить именно о ней, – ответила Марта, заметив, как напряглось лицо Валентины Николаевны. Женщина сняла старый фартук, вытерла им руки и пригласила Марту сесть к столу под развесистой старой вишней.

– Отдохните с дороги, – сказала она. – Сейчас принесу вам сок. У меня замечательный свой сок.

Деревянная столешница была усеяна черными переспев-

шими ягодами, сад был наполнен щебетом птиц, шелестом листвы, порой это живое дыхание сада прерывалось звуком падающего спелого плода с какого-то дерева, и на мгновение наступала тишина. Солнечные лучики торчали в кронах деревьев, как соломинки, спускались к земле и вырисовывали на ней золотую сеть. Сладкий воздух можно было попробовать на вкус, высунув язык. Марта улыбнулась.

От чего ОНИ бегут в города, подумала она, почему ИМ не сидится в таком саду? Почему дают погибнуть библиотекам и клубам, куда ходили в юности, почему не рожают детей здесь – среди покоя и тишины. Едут кормиться иллюзиями...

Валентина Николаевна принесла банку красного сока.

Пока Марта наслаждалась прохладным напитком, женщина молчала, будто боялась услышать что-то плохое. Наконец она решилась.

– От Зои давно нет никаких вестей. Она всегда звонила мне раз в неделю... – сказала Валентина Николаевна и вопросительно взглянула на Марту.

– Вы не волнуйтесь... – пробормотала Марта, размышляя, о чем говорить дальше...

– А зачем вы ко мне? – прямо спросила женщина. – Я вас слушаю.

Марта растерялась лишь на мгновение, а потом заговорила как можно спокойнее:

– Скажу вам откровенно – я не очень хорошо знаю вашу

дочь... Я здесь проездом, а заехать к вам меня попросила одна ее знакомая. Зоя ей необходима по какому-то делу – вот она и думала, что она дома, у вас... Или вы знаете, где она может быть...

Марта чувствовала, что ее жалкая болтовня как-то не клеится, но решила не волновать женщину и поэтому на ходу сочиняла более-менее реалистичную историю.

– Так я и знала! – всплеснула руками женщина. – Чувствовала, что сглазят! Ведь так все хорошо складывалось, даже не верилось.

Женщина взволнованно покачала головой, механическим жестом сбросила спелые раздавленные вишни со стола, заговорила, нервно жестикулируя:

– В прошлом году поступила в университет – она у меня отличница. Говорила, что встречается с нашим Сережей, он ей помогает. Вроде уже и о свадьбе речь шла. А три месяца назад приехала такая счастливая, говорит: «Мама, ты только не волнуйся и не осуждай – я выхожу замуж. Только не за Сергея!» Мол, встретила такого мужчину, каких уже и нет на свете: умный, ласковый, имеет свой бизнес, любит ее так, что никого, кроме нее, не видит. Привезла тогда такие подарки, каких у меня сроду не было. И сама была такая красивая – одежда на ней, как в журналах. Показывала, какое кольцо он ей купил, – чудо! А еще подарил такой замечательный аппаратик – мобильный телефончик, хорошенький, как игрушка. Она все при мне ему названивала. И, знаете, так они хоро-

шо говорили, как ангелочки. Я такого никогда не слышала. Мы с мужем, царство ему небесное, за всю жизнь таких слов друг другу не сказали... Мне тогда так уютно стало, спокойно. Она у меня одна! Девочка умная, хозяйственная, добрая. Почему бы ее не любить? А потом как уехала, так ни слуху ни духу. Я звонила ей в общежитие, соседки говорят, что переехала жить к жениху. Но почему мне ничего не сказала? А как же свадьба? Вот теперь жду, что отзовется. Думала, что вы от нее... А вы вот что говорите... Может, не сложилось. Почему же матери не сказать?..

– Возможно, все не так уж и плохо, – начала выкручиваться Марта, с ужасом вспоминая телефонные угрозы. – Возможно, у ее жениха какие-то финансовые неприятности, поэтому и свадьба отложилась. А возможно, ваши молодые сейчас вынуждены скрываться...

Это было уже слишком, но Марта просто не знала, как перейти к делу, с которым она сюда приехала.

– О господи! – всплеснула руками Валентина Николаевна. – Я всегда знала: большие деньги – большие хлопоты! Что же теперь делать? Почему же они ко мне не приехали?

– В том-то и дело! – обрадовалась такому повороту Марта. – К вам нельзя, ведь кредиторы легко бы вычислили, где они. Зоя, наверное, беспокоится о вашей безопасности. Словом, если бы вы могли тоже уехать куда-нибудь на неделю-другую. Пока все не образуется.

Марта не знала, почему не сказала женщине о телефоне,

об угрозах и о себе – все, как есть. Ей казалось, что история о бизнесмене, на которого охотятся кредиторы или конкуренты, покажется ей более понятной и не такой жуткой. Хотя тоже приятного мало.

– Значит, вам надо быть осторожной. Ради Зои, – добавила она.

– Правду говоришь, детка? – пристально посмотрела ей в глаза хозяйка.

Марте пришлось приложить немало усилий, чтобы выдержать этот тревожный, изучающий взгляд.

– Валентина Николаевна, вы здесь живете на природе и даже не догадываетесь, что делается в городе! Я бы к вам просто так не приехала – но подруга Зои очень просила! А я думаю, что вы скоро получите от дочери сообщение. Даже если вы не верите, все равно попробуйте уехать куда-то на пару недель. Вам, кстати, есть к кому податься?

– Собиралась к сестре. Правда, позже... – сухо ответила женщина.

– Вот видите, как хорошо. Поезжайте сейчас. Больше ничего от вас не нужно. А когда вернетесь – все выяснится. Зоя отзовется. Я обещаю!

– Даже не знаю... – засомневалась женщина. – Это так неожиданно... И как вам верить?.. Хоть бы открыточка у вас была от дочери. А так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.